

— Ну и плетешься же ты! Я тут уже целую вечность торчу!

Куки к тому времени уже успел сложить свой промасленный бумажный зонт. Стоило Саске наконец показаться, как на него тут же обрушился поток ворчания — змеиный оборотень явно пребывал в скверном расположении духа.

— Ты снова превратил труп в это непотребство, — проигнорировав жалобы спутника, вздохнул Саске. — За него опять заплатят от силы половину.

Юноша с тихим раздражением перевел взгляд на расprostертое неподалеку тело. Назвать это «телом» можно было лишь с натяжкой — плоть выглядела так, будто ее несколько часов выдерживали в концентрированной серной кислоте.

— И что тебе не нравится? — огрызнулся Куки. — По-моему, эти пройдохи просто ищут повод придраться. С какой стати я должен получать гроши, если добыча доставлена?

«Какая половина... — подумал Саске, окинув взглядом изувеченные останки. — Притащи мы еще парочку таких обрубков, и эти менялы вообще выставят нас за дверь без единого гроша».

Разумеется, делиться этими соображениями вслух он не стал. Скажи он такое Куки, и уже через пару дней от подпольного пункта обмена осталась бы груда дымящегося щебня. Нет, Саске не боялся последствий, но и лишних хлопот не искал — уничтожение этого заведения не принесло бы ему ровным счетом никакой выгоды.

Спорить со строптивым змеем не имело смысла, поэтому Учиха просто промолчал. Он давно уяснил: пытаться что-то доказать Куки в такие моменты — затея не только бесполезная, но и опасная. Пару раз обжегшись на этом в прошлом, теперь он предпочитал благоразумно игнорировать чужие капризы.

— Эй, ты оглох? Мог бы и ответить! Никакого почтения, совсем несносным стал.

Не дождавшись отклика, Куки недовольно фыркнул. Изливать душу безразличному дереву быстро надоело, однако обиду на подпольный пункт обмена он затаил. Если эти ростовщики еще хоть раз попробуют срезать выплату вдвое, им придется познакомиться с его ядом поближе.

— Я иду в подпольный пункт обмена. Ты со мной? — спросил Саске.

Формально Куки считался его призывным зверем, но на деле Учиха не имел над ним никакой реальной власти. Ни в силе, ни в авторитете он не мог тягаться со змеем. Даже сам призыв зависел исключительно от доброй воли Куки: если тот не желал являться, техника попросту не

срабатывала. Еще несколько месяцев назад подобные отказы были обычным делом.

Саске до сих пор помнил слова, которые Куки однажды бросил ему прямо в лицо: «Если кишка тонка — даже не смей меня беспокоить. Я тебе не нянька и возиться с тобой не обязан. Запомни раз и навсегда: слабость — это смертный грех».

Это жестокое напутствие прочно врезалось в память юноши. Но со временем, по мере того как росла его собственная сила, Саске замечал, как меняется отношение змея. В янтарных глазах Куки больше не сквозило то раздражающее, липкое сочувствие, которое так бесило Учиху в самом начале их знакомства. Теперь в них читалось нечто похожее на уважение.

— Что ж, если ты не боишься, что я разнесу там все к чертям, я могу составить компанию, — безразлично пожал плечами Куки.

Он и не думал скрывать свои намерения. Его тон ясно давал понять: «Я не гарантирую, что у меня не зачесутся кулаки, так что хорошенько подумай, стоит ли брать меня с собой».

— Разве тебя когда-то волновали подобные мелочи? — прищурился Саске.

Он намеренно подначивал змея, зная его строптивый нрав. На самом деле Учиха хотел, чтобы Куки пошел с ним, но гордость не позволяла попросить об этом напрямую. Пришлось прибегнуть к хитрости.

А судьба подпольного пункта обмена его не заботила. Ну разнесет его Куки, и что с того? Всего лишь один из сотен филиалов. Саске проливал кровь не ради звенящей монеты — его вела жажда силы, и только она.

— Хотя нет, пожалуй, откажусь. У меня есть дела поважнее, так что разборки с менялами отложим до следующего раза, — хмыкнул Куки.

Конечно, он без труда раскусил нехитрый маневр Саске, но разыгрывать гордость не стал. В другое время он, возможно, поддался бы на провокацию шутки ради, но сейчас обстоятельства требовали иного. Орочимару прислал весточку, и его дела были куда приоритетнее, чем погром в Подпольном пункте обмена. Мнение же Саске на этот счет змея не волновало вовсе.

— Тогда я пошел, — бросил Саске и, не дожидаясь ответа, резко развернулся.

Куки лишь лениво скользнул взглядом по его удаляющейся спине. Смертные обиды и юношеский максимализм Учихи его не задевали — парень всегда отличался тяжелым характером. Впрочем, даже заметь Куки недовольство напарника, ему было бы плевать. Какое ему дело до чужих несбывшихся ожиданий?

В конце концов, Саске оставался для него лишь временным попутчиком. Да, они ладили чуть

лучше, чем с остальными, но практической пользы от этого союза было немного. Единственная причина, по которой Куки до сих пор не вышвырнул мальчишку из своей жизни — тот просто не вызывал у него отвращения. В вопросах выгоды Орочимару был куда более ценным партнером.

Страна Рек. Секретное убежище Орочимару

Сколько бы раз Куки ни бывал в этом месте, он никак не мог привыкнуть к извращенному вкусу хозяина. Порой змей ловил себя на парадоксальной мысли: кто из них двоих на самом деле рептилия? Куки, будучи истинным змеем (пусть и с оговорками), с трудом переносил эту промозглую, сочащуюся слизью сырость. Орочимару же чувствовал себя в полумраке подземных коридоров как дома. Каждая его лаборатория дышала могильным холодом, заставляя Куки всерьез задумываться, не встретил ли он потерянного родственника.

— А, это ты, — раздался из темноты тихий, шипящий голос Орочимару.

Куки посмотрел на его мертвенно-бледное лицо, которое белизной могло поспорить с его собственным, и мысленно скривился от накатившего желания съязвить. Ну нельзя же изо дня в день выглядеть так, словно ты у порога смерти. Смертный одр по нему плачет, честное слово, или он просто переутомился от своих безумных опытов?

К слову, Орочимару занимал не последнее место в причинах, по которым Куки все еще терпел Саске. Насмотревшись на эту бледную немочь с повадками восставшего мертвеца, Куки жизненно нуждался в ком-то эстетически приятном, чтобы банально не ослепнуть от уродства окружающего мира. Саске на роль «лекарства для глаз» подходил идеально.

— Ближе к делу, — лениво протянул Куки, устраиваясь поудобнее. — Зачем звал? У меня полно забот.

Их альянс зародился после того, как Куки бросил вызов Орочимару. Демоническая сила «Освобождения зверя» и уникальные способности змея мгновенно разожгли в безумном ученом исследовательский азарт. Однако Куки был слишком опасным противником, чтобы Орочимару мог просто запереть его в клетке и препарировать. Понимая, что силой желаемого не добиться, санин предложил сделку. Куки, которому тоже требовались ресурсы Орочимару, согласился. Так они и сошлись — два хищника, заключивших взаимовыгодный союз.

Главное требование, которое Куки предъявил Орочимару (и которое ранее ставил условием для Саске), заключалось в поиске любых сведений о перемещении во времени и пространстве. Именно поэтому полезность юного Учихи стремилась к нулю: его возможности и знания не шли ни в какое сравнение с колоссальной исследовательской базой и гением Орочимару.

Зачем Куки искал способы преодолеть барьеры миров? Ответ был прост: он отчаянно

стремился вернуться к Шарлотт Линлин. Оказавшись в этом чужом, холодном мире, он едва не сошел с ума от тревоги за нее. Линлин была его первым другом, его единственной семьей — той, чье место в его сердце не мог занять никто другой. Возможно, в этом и заключалась истинная суть Змея-небожителя, исполняющего желания: навсегда запечатлеть в душе единственный образ и следовать за ним сквозь вечность.

Исполнить обет. Посвятить всю свою жизнь тому, чтобы сдержать однажды данное слово, пожертвовав ради этого всем миром. И обещание, которое Куки поклялся исполнить, было простым и одновременно нерушимым: оставаться рядом с Линлин, оберегать ее до самого последнего вздоха, пока смерть не разлучит их.

Именно эта великая цель толкнула его в объятия Орочимару. Пусть этот бледный ученый и был законченным безумцем с извращенными наклонностями, его причуды казались сущими пустяками по сравнению с возможностью вновь увидеть Линлин.

<http://bllate.org/book/20484/2189228>